

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ  
БИМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ  
ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

**Шелекета В. О.**

*В статье доказывается необходимость учета социокультурных аспектов в процессе нормотворчества в биоэтике в контексте онтологических духовных оснований нравственности. Данная проблема рассматривается в сопряжении норм биоэтики и права в ретроспективе и перспективе социально-исторического и культурного развития.*

*Ключевые слова: духовность, архетип, архетип права, биоэтическая норма, нравственная регуляция.*

**SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF A PARITY OF BIOMEDICAL  
ETHICS AND THE RIGHT IN A CONTEXT OF THE ONTOLOGIC BASES OF  
MORAL CONSCIOUSNESS  
SHELEKETA V. O.**

*In article necessity of the account of social and cultural aspects in the course of creation of norms in bioethics in a context of the ontologic spiritual bases of morals is proved. This problem is considered in interface of norms of bioethics and the right in a retrospective show and prospect of sociohistorical and cultural development.*

*Key words: spirituality, an archetype, a right archetype, a bioethical standard, moral regulation.*

В контексте проблем биоэтики, в которой фундаментальным принципом является нравственное отношение ко всему живому, актуализируется проблема локализации и *право-мерности* нравственных норм в контексте права, в том числе и медицинского права. Определяющее значение именно этической нормативной регуляции, как отмечает Н. Н. Седова, проявляется в том, что биомедицинская этика не является теорией медицинской морали, но может выступать и выступает аксиологической основой правового регулирования медицинской деятельности (задает ценностную программу такого регулирования). Более того, любой специалист, ознакомившись с полем биоэтической регуляции, справедливо заметит, что оно в целом тождественно правовому полю отношений в медицине. Здесь – в рамках биоэтики нет противоречия – поскольку правовая норма является в то же время нормой морали [1].

В связи с этим, предметом рассмотрения представляемой статьи явились, с одной стороны, аспекты взаимосвязи нравственности и права, поскольку биоэтика имеет свою сферу нормотворчества и область применения прав человека; с другой стороны, объективные основания нравственных норм, лежащие в основе биоэтических норм.

Исходной позицией рассуждения является утверждение: нормотворчество в биоэтике должно учитывать социокультурные аспекты и национальные особенности объектов правовых норм. Показательным фактом является то, что в преамбуле «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», принятых в июле 1993 года, отмечается, что Верховный Совет Российской Федерации принимает данный документ, «стремясь к совершенствованию правового регулирования и закрепляя приоритет прав и свобод человека и гражданина в области охраны здоровья» («Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», 1993). Конвенция Совета Европы еще более уточняет это положение о правах человека: «Интересы и благо отдельного человека превалируют над интересами общества или науки». Расставленные приоритеты, согласно действующему законодательству РФ, находятся в настоящее время в состоянии «прямого действия». Но далее, как пишет И. Силуянова, неизбежно возникают вопросы: а какое идеологическое основание имеют эти международные приоритеты? Каково их происхождение? На какой этике они базируются? Совместима ли она с духовно-нравственными особенностями России? В какой культурной традиции они формируются? Предпринятые в рамках проблем духовно-нравственных аспектов исследования [2] обнаруживают, что этой культурной традицией является христианская этика. [3]. Таким образом, доказывается необходимость учета в процессе нормотворчества, в том числе в вопросах, находящихся в компетенции биоэтики, духовно-нравственного сознания как приоритетного в общественном сознании, причем, духовно-нравственное,

как будет показано ниже, основывается на архетипах коллективного сознания (бессознательного).

В историко-культурном плане архетипические социокультурные основания права представляются очевидными на основании того, что с глубинными социокультурными пластами право связано неразрывными узами. Первым, что приходит на ум, являются религиозно-нравственные нормы и ценности. Непосредственная связь права и религиозной нравственности обнаруживается в том, что, несмотря на уникальность западной правовой традиции заключающейся в принципиальной автономности всей правовой жизни общества, ее отграничении от других сфер, применительно к другим цивилизациям (и древним, и современным), мы выделяем право в качестве отдельной сферы с достаточно высокой степенью условности. Даже в тех культурах, в которых закон играет большую роль, право несамостоятельно. Например, шариат, под которым западные исследователи понимают исламское право, пронизывает всю жизнь мусульманина, но все же оно лишь одна из сторон религии ислама. Закон является фундаментальной ценностью для евреев. Но в то же время для них закон означает завет (т.е. договор) с Богом, основными источниками права являются Тора и Талмуд. Но даже в Германии до рецепции римского права существовал институт *Weistümer*, согласно которому в случае сомнения в том или ином судебном решении обращались за советом к уважаемым людям. Это означает, что первоначально право было не только неразрывно связано с нравственными представлениями народа, но и целиком поглощалось ими. Когда на место ясных для каждого моральных (и вместе с тем правовых) правил стала уставшая, написанная на непонятном языке компиляция, которой стали придавать характер действующих законов, для применения права потребовался посредник – университетский образованный юрист [4].

В этом смысле сегодня, как и во времена активного обсуждения этого вопроса в философии 19-20 столетий актуализируется вопрос о том, «что

является первичным: право или нравственность, а, в случае установления их общего корня или основания – и вопрос о природе последнего.

«В современном мире, как отмечает М. Пантьжина, право становится основным регулятором глобальных общественных процессов, а правовые ценности перемещаются на высшие уровни общемировых ценностных иерархий. Фактом, не требующим доказательства, ныне признается то, что сфера правового регулирования не может ограничиваться юридической системой, а должна включать в себя все характеристики человеческого бытия: смерть человека, право на достойную старость, вопросы безопасности, потребность личности в развитии своих способностей. Как следствие аксиологического осмысления права все чаще ставится под сомнение аксиома юридического позитивизма, согласно которой законы, принятые легитимной властью, априори являются правовой ценностью для общества» [5].

В связи с вышеприведенной позицией, здесь может быть осмыслен вопрос о правовом статусе, – действительном, **онтологическом** статусе, – существующих в законе биомедицинских норм, их соотношении с нормами практической биоэтики. Так, ныне действующий Федеральный закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (1992) так же, как и статья 36 «Основ законодательства», как отмечают многие авторы, далек от этического совершенства. Ибо принцип презумпции согласия, который лежит в основании закона о трансплантации, фактически допускает действия с умершим человеком, на которые он при жизни не давал согласия. Действие же, совершаемое без согласия, квалифицируется в этике как насилие, со всеми вытекающими из этого последствиями. Одним из последствий является мощное социальное недоверие к отечественной трансплантации, что находит свое отражение в прессе. Даже изменения, внесенные в статью 36 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года, не удовлетворяют, конечно же, требованиям **традиционной** морали.

Так, И. В. Силуянова пишет: «Ныне действующие законы, регулирующие медицинскую деятельность, а также ряд законопроектов, например «О репродуктивных правах», «О легализации эвтаназии» и др., обнаруживают реальную и опасную тенденцию: этические и правовые нормы могут не только не совпадать, но даже и противостоять друг другу. В данной ситуации значительно возрастает роль этической экспертизы законопроектов. Уровень и качество этической экспертизы в значительной степени зависит от того, насколько она выверена «духом и буквой» этики, насколько учитывает культурно-национальную самобытность России и в частности основополагающие принципы христианской этики» [6].

В контексте феноменологического подхода, заключающегося в истолковании права на основе теоретических принципов, складывающихся в контексте социального опыта, М. Паньжина утверждает, что феноменология права определяет свой предмет в контексте единства гносеологического и онтологического подходов, проявляющегося в том, что: 1) право содержит в себе принципы собственного полагания и развития; 2) право конституируется благодаря имманентным принципам человеческого сознания [7]. Данные имманентные принципы сознания человека вполне, по нашему мнению, подпадают под определение понятия архетипы коллективного бессознательного, данного К. Юнгом.

С точки зрения К.В. Арановского, понятие архетип может быть вовлечено и в правоведение, поскольку данное понятие «интересно тем, что в нем выясняются исторически сложившиеся, влиятельные структуры национального сознания, чувства, поведения. Он (архетип. – В. Ш.) может быть отнесен к условиям, создающим мотивы правового поведения, в котором участвуют воспоминания о событиях, верованиях, чувствах, хранимых веками». [8]. Следовательно, юридический архетип имеет правообразующее, правореализующее, правосоциализирующее значение. В первом случае это значение выражается в том, что архетип как первооснова, прообраз участвует в построении правокультурной среды, опосредует (через свои проявления)

специфическую эволюцию и стабильность правовой культуры и правового мышления нации. Во втором случае архетипические коды обуславливают тягу к наведению «исконного порядка», достижения «истины» справедливости, «правды». В третьем случае архетипы представляют собой правокультурные коды, сложившиеся в ходе исторической эволюции национальной правовой культуры, обеспечивающие преемство и связь поколений, направленность и характер правовой социализации и т.п. Более того, архетипические структуры предreshают существо юридически значимых взглядов, норм, моделей. Поэтому, по мнению К.В. Арановского, с распадом культуры, с утратой своего психического склада народ не просто прекращается как вмняемая общность, но, прежде всего, теряет способность поддерживать свои государственность и правопорядок, будь они «самостийными» или «извне полученными». Важно при этом заметить, что архетипические представления задают лишь исходные линии, предрасположенности, а не прямую преопределенность.

Латентное присутствие нравственных норм в праве обнаруживается уже в том, что оно предстает как система легализованных взаимодействий, опосредованных ценностями формального равенства, справедливости и свободы, в свою очередь объективированных в системе норм, что по смыслу совпадает с юридической системой. Такие взаимодействия включаются в общую систему социальных взаимодействий и изменяются вместе с ней. При этом, право являет собой систему субъектного типа, основанную на эмоциональном, речекommunikационном и деятельностном взаимодействиях людей, опосредованных ценностями-экзистенциалами. Эта система изменяется во времени, и право можно определить как вид социального процесса, что очерчивает демаркационную линию между правом и юридической системой.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью ответа на вопрос: «Что есть правовые ценности и в чем их отличие от правовых норм?». Традиционно в правоведении данные понятия рассматриваются как подчиненные. Правовые нормы определяются как принципы организации общественных отношений, которые затем фиксируются в законах. А правовые ценности - это те же правовые

нормы, которые затем получают признание, проходя через сознание (оценку) субъекта права. Именно на такой смысл правовых ценностей указывает В. С. Нерсесянц: «Предметная область и основная тематика юридической аксиологии - это проблемы понимания и трактовки права как ценности (как цели, долженствования, императивного требования и т.д.) и соответствующие ценностные суждения (и оценки) о правовом значении... фактически данного закона (позитивного права) и государства» [9].

Парадигмальные основания права можно с той или иной долей условности обозначить как познание права в качестве социокультурного явления. Достаточно просто и ясно эту позицию выражает современный исследователь российской правовой ментальности А.Ю. Мордовцев, отмечая, что не существует граждан вообще или абстрактного, «идеального» государства», или теоретизированных прав человека и т. п., все они формируются, существуют и развиваются в определенной правоментальной среде. Вышеизложенные всеобщие ментальные социокультурные априорные формы ценностей с полным основанием могут выражаться в категории «архетип». И в последнее время в философии права существуют мнения, осмысливающие взаимосвязь правовых норм с всеобщими ценностями в контексте этой категории. Архетипические естественно-правовые коды развития западного человека, полагает М. Г. Тюрин, выявляя архетипические основания права, определяют и его стиль, установки и содержательный колорит осмысления справедливости, свободы, обязанности и т.п. Так, в рамках сравнительно-правовых исследований стало достаточно очевидным, что на проблему прав человека определяющее влияние оказывают сложившиеся в процессе исторического развития образ жизни, верований, система ценностей, норм, традиций и обычаев [10].

Несмотря на теоретическую разработанность проблемы взаимосвязи нравственности и права, глубинные основания нравственности и права в их взаимосвязи остаются непроясненными. Речь идет, прежде всего, о наличии

неких онтологических оснований норм и ценностей, становящихся правовыми нормами и ценностями.

Правовые ценности генетически связаны с правовыми нормами. И те, и другие представляют собой «знание о должном». Можно метафорически сказать, что правовая норма - это ценность, «вышедшая в тираж», то есть в ходе многократного воспроизводства в деятельности утратившая метафизические основания и приобретшая жесткую структуру [11].

На практике судебные инстанции часто выносили решения применительно к каждому отдельному случаю, обстоятельствам или, как заявляли сами судьи, руководствуясь сущностью права, то есть совокупностью базовых правовых ценностей, которые полагались выше любого позитивного права. В историю права вошла юридическая формула Г. Радбруха, содержание которой состоит в том, что действительность легальных норм зависит от того, насколько правоприменительным органам удастся в своих решениях и постановлениях уравновесить строгое следование «писаному праву» с априорными принципами элементарной справедливости. По большому счету можно вести речь о необходимости учета ментальных и культурных особенностей с общечеловеческими и в определенном смысле априорными нормами морали.

Конкретно на правовом поле непростые взаимоотношения между нравственными и законодательными нормами проявляется к примеру в связи со ст. 22, которая разрешает куплю-продажу половых клеток (гамет) и эмбрионов: «Донорство гамет и эмбрионов осуществляется *на возмездной или безвозмездной основе*.

И здесь в полном объеме своего значения встает вопрос о правовом и онтологическом статусе эмбриона человека, что в свою очередь актуализирует вопрос об онтологическом статусе нравственности.

Выше или ниже статус целостного человеческого существа, находящегося на эмбриональной стадии своего развития или тканей человека? – задается вопросом И. В. Силуянова [12]. Это входит с одной стороны в противоречие с

действующим в настоящее время Федеральным Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека (от 22. 12. 92. №4180-1).

С другой стороны это нарушает важнейшие императивные установления человеческого общежития. «Почему так высок правовой статус органов или тканей человека? – спрашивает И. Силуянова. Потому что «действующий запретительный принцип находится в согласии с основным законом нравственных взаимоотношений между людьми. Человек не должен рассматриваться как средство для достижения цели другого человека (категорический императив И. Канта) [13].

Биоэтика является как раз такой сферой нормативной регуляции, способной преобразовывать непосредственно нравственные нормы в правовые. Как полагает Н. Н. Седова, нормативные возможности биоэтики во многом связаны с тем, что в ней существует тенденция преобразования любой (каждой) этической нормы в норму права: «Определить одну из нормативных функций биоэтики можно следующим образом – трансляция норм морали в правовое поле, отбор и экспликация тех этических детерминант, которые обладают юридическим потенциалом» [14]. Ведь проблема соотношения моральной, биоэтической и правовой регуляции заключается в том, что в биоэтике нормы обязательны, но не всегда закреплены законом.

Резюмируя вышеизложенное в контексте проблем современной биоэтики, имеющей свой пласт норм и свои механизмы нормотворчества, мы можем констатировать необходимость учета национально-ментальных и культурных особенностей в процессе выработки норм, а также ориентацию на архетипические нормы нравственности как онтологические основания духовно-нравственного сознания.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Седова Н. Н. Правовой статус биоэтики в современной России. //Медицинское право, 2005, №1.
- 2/ Силуянова И. В. В фокусе внимания – современная медицина//О социальной концепции русского Православия. – М.: Республика, 2002. С. 156-172.
2. Силуянова И. В. Антропология болезни. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 71.

3. Дьячек Т. И Специфические черты западного права как следствие рецепции римского права на Западе. История государства и права. – М., 2008, №2. С. 33.
4. Пантьжина М. И. Правовые ценности в контексте социального опыта (философско-феноменологический подход. // Философия права, 2007, № 5. С. 44.
5. Силуянова И. В. Антропология болезни. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 76-77.
6. Силуянова И. В. Антропология болезни. С. 76-77.
7. Арановский К. В. Архетипы национальной культуры и государственное право // Академический юридический журнал. 2003. № 4 (14) // <http://www.izpi.ru/aum/php?a=137&u=21>.
8. Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2003. №6.
9. Тюрин М. Г. Правовой архетип: теоретические и методологические аспекты. – «Философия права», 2007, №4. С. 149.
10. Тюрин М. Г. Там же. С.150.
11. Пантьжина М. И. Правовые ценности ... С.46.
12. Силуянова И. В. Морально-этическая экспертиза проекта Федерального закона «Об охране репродуктивного здоровья населения РФ». // Биоэтика, №1, 2010. С. 51.
13. Силуянова И. В. Там же. С. 51.
14. Седова Н. Н. Зависимость независимых этических комитетов» // Биоэтика, 2008, №2. С.